

Тихо колыхнется зеленый бархат трав окского левобережья.

Лениво плещутся волны у песчаных отмелей. Привольно чувствует себя в прибрежных зарослях перелетная птица. Проплывет изредка с верховьев купеческая барка с товаром, пробираясь к Мурому аль Нижнему, и опять безлюдно кругом.

Не шумлива матушка Ока. А бывает, разыграется к ночи - хуже Камы-сестры. Загудят, застонут вековые сосны на крутом берегу, побегут посредине реки грязно-бурые волны, запенятся, догоняя друг друга. Никому в ту пору по реке не проехать. Берегись, купец, станови свой мокшан к берегу на причал!

Вот такой и любит Оку поп Сорока, что живет с двумя сыновьями - Тимофеем да Кириллом - в избушке рядом с часовенкой, стоящей за яром, где река делает крутую излучину. Был он знаменитым попом на Москве, да сослали сюда за провинность. Богато жил Сорока в Москве. Здесь доходы - раз в год, в Успеный день.

Большим стал поп знатоком лесов Муромских. Коротая дни, исходил он лесные дебри вдоль и поперек, забираясь в самую глухомань. Знал Сорока, где какая птица или зверь водятся, где грибные места, клюквенные, брусничные болотины. И с медведем не боялся силой помериться.

Сыновья росли в него, такие же лохматые, наделенные диковинной силой и буйным, строптивым нравом. Поспорили они однажды меж собой - еле унял их Сорока. Думал он, что пора бы женить их, да не хотелось баб в свою жизнь вмешивать. Так и жили втроем, бобылями... В один из тех осенних дней, когда погода становится переменчивой, вниз по реке спускалась небольшая барка. Косой полотняный парус то надувался ветром, подгоняя судно вперед, то ослабевал, полощась вокруг мачты. Тщедушного вида мужичонка, сидевший на корме у правила, лениво посматривал по сторонам, заботясь лишь о том, как бы не наскочить на мель. Его товарищ, подложив под голову армяк, мирно дремал чуть поодаль на палубе.

Из казенки высунулась заспанная голова приказчика.

— А что, ребята, не заночевать ли нам?

— Для че? - откликнулся кормчий. - Быстрей добежим, да и назад.

— Как бы греха не нажить.

— А ты покаркай! Не бойсь! Тут скрозь до Мурома живой души не встретишь. Ложись-ка на покой!

Гонимая ветром барка продолжала плыть по течению. Приказчик повозился в казенке и затих.

— Парфен! - окликнул кормчий лежавшего на палубе.

— Чего?

— Парус-то спустить бы надо. Вечереет.

Тот нехотя поднялся, молча отвязал веревку, скатал опущенный парус, пододвинул его к каюте и, вернувшись на прежнее место, снова лег.

Темнело быстро. Откуда-то из-за леса подкралась туча. Дождь, сначала ударивший редкими каплями, посеял как из сита.

— Парфен!

— Чего тебе?

— Иди-ка в казенку. Дождь-то, похоже, на всю ночь.

— Дождь?

— Аль не чуешь?

Парфен поднялся, постоял минуту над служившим ему постелью армяком, потом нагнулся, встряхнул его и протянул рулевому.

— На, укройся!

Накинув армяк, кормчий поглядел на закрывшуюся за Пар- феном дверь каюты и уныло вздохнул.

— Собачья жизнь, - пробормотал он про себя. - Остатний хлеб в поле погниет, а ты тут с товарами майся, распродуй их горой. Кому - барыш, а кому - шиш.

Дождь не переставал. Очертания берегов постепенно сливались с водой, темнота становилась все гуще. Облокотившись на правило, рулевой дремотно слушал, как журчит струя за кормой. Глухая осенняя ночь все плотней покрывала землю.

Проснувшись от брызнувшего в окно каюты солнечного луча, Парфен подумал, что давно бы нужно сменить товарища. Толкнул ногой дверь - она не открылась.

— Намокла, что ли?

С трудом выбравшись наружу, метнулся назад.

— Савел Иванов! Приказчик!

— Чего тебе?

— Беда стряслась!

Потерявшее управление судно тихо покачивалось на волнах у берега. Оглушенный чем-то тяжелым, а затем связанный, кормчий недвижимо лежал у руля. Ахнув, приказчик бросился к люку, ведущему в мурью. Товаров не было...

К вечеру этого же дня у часовенки, где жил поп Сорока, приткнулась большая плоскодонка. На землю сошли двое, шестеро молодчиков остались сидеть в посудине.

— Кого черт несет, не ярыги ли судейские? - хмуро сказал Тимоха - старший из сыновей Сороки, мирно чинивших на берегу рыболовную снасть.

— Мыслишь, дознались о барже? - откликнулся Кирюха, вглядываясь в подходовших. - Надо батюшку предупредить.

— Нет, не похоже. Да и плыли с верховьев, не из Мурома. Подождем, посмотрим,

— Бог на помощь! - приветливо молвил, подойдя, один из незнакомцев.

Парни молча продолжали штопать деревянной иглой сеть.

Нелюбезный прием не смутил приезжих.

— Нам бы попа Сороку повидать.

— Пошто он вам?

— Кабы не было нужды, не пристали бы к вашему берегу. Дело есть.

— А что за народ? Незнаемы вы нам, а с такими разговор вести не об чем.

— Ты, парень, слушай, что тебе говорят. Дома отец ваш, иль как он вам доводится, - ведите к нему, нет - назад тронемся.

— Ну, ин быть по-вашему.

По узкой тропинке, уложенной известковым плитняком, поднялись наверх. Войдя в избу, незнакомцы покрестились в угол и присели на широкую сосновую скамью.

— Батюшка, слышь, тебя тут какие-то требуют. Сказывают, дело есть.

Кровать за дощатой заборкой закрипела. Слышно было, как разбуженный сыном поп повернулся, звучно зевнул, затем сел, и кровать снова застонала под ним,

— Что за люди? - спросил густой бас.

— А кто их знает. Одеты срядно, тебя спрашивают.

— Зачем пожаловали? - спросил Сорока, выходя в горенку. Был он нечесан, и длинные космы грязными прядями спускались на плечи. Маленькие глазки хитро мерцали из-под нависших бровей.

— Разговор до тебя есть, - ответил старший из приезжих. - Ну-ка, Иван, достань...

Иван, нагнувшись, развязал принесенную из лодки кожаную кису, достал штоф, кусок осетровой спинки. Перешли к столу.

— Кто такие будете? - уже мягче спросил Сорока.

— А есть мы - не знаем, как тебя звать-величать, - Андрей ла Иван Баташевы.

— Из-под Касимова?

— А что, слышал?

— Слух как вода бежит.

— Ну, выпьем за знакомство.

Выпили по первой, по второй, потом по третьей, а разговора настоящего все не было, вертелся он вокруг того, какой зверь в лесах водится да как лучше на медведя ходить. Старшему, Андрею, прискучило это.

— Давай говорить напрямки. Места здешние довольно знаешь?

- Благословил Господь.
- Железа нигде не встречал?
- Нашел намеднишь конец пики ломаной.
- Ты не крутись. Раз слышал об нас - знаешь, о каком железе речь ведем.
- Ну, коли напрямки, - скажу. Ведомы мне такие места. Кои колпинские показывали, кои сам усмотрел. Под старость, думаю, пригодится.

Братья подвинулись ближе к попу. Разговор пошел впол-голоса. Более хитрый Иван посулил Сороке долю в рудниках, сказав, что выведет его сыновей в люди, и тот согласился им помочь. Андрей, услышав братнин посул, хотел было возразить, но тот незаметно толкнул его локтем, и он промолчал.

Сорока неожиданным свиданием остался доволен. Надоело ему разбойничать, да и чувствовал он, что заниматься этим делом стало опасно, того и гляди, донесут купчишки в Петербург. Не зря ездил он с найденным однажды в лесу серо-бурым камнем в Колпинку, небольшую деревушку под Муромом, где жили немногие оставшиеся от петровских времен рудознатцы. Хотел тогда сам объявить о находке, да передумал, ждал подходящего случая. Приезд Баташевых был кстати.

- Вот и добро, - сказал Сорока. - Зовите своих в избу. Выпьем во славу божию еще по единой, да и спать. Обутреет, поведу вас на рудные места.

В поход вышли на рассвете. Шли молча. Густой таежный лес тянулся на много верст, казалось, конца-краю нет деревьям. Узкая тропинка вилась по зарослям. Высокие корабельные сосны сменялись могучими лапчатыми елями, березы и осинник стояли вокруг болотин, поросших обманчивой ряской.

Много дичи разной в лесах Муромских. Весной на пустошах тетерева чуфыркают, распуская крылья в любовной истоме, по верхушкам сосен белка прыгает, лиса в норах прячется. А если забраться поглубже в чашу, не только медведя, но и сохатого можно встретить.

Отошли верст шесть.

- Вот здесь, - гудел, размашисто шагая, Сорока, - верст на десять, а может, и боле, все руда залегает. Потому знаю, что часто поверх она выходит.

Братья молча переглянулись. Близкое залегание руды было знакомо по рязанским землям, где, неподалеку от Касимова, стоял у них на реке Унже завод.

Жадный до заводского дела Андрей сошел с тропинки в сторону. Через несколько минут вскричал брата:

— Иван, иди скорей!

Стоя на коленях, он разглядывал лежавший на ладони небольшой, видать, только что расколотый им пополам, камень. Серо-бурый с краев камень краснел к середине. Кристаллы его располагались так, что своим строением напоминали какой-то цветок.

— Неужто роза? - спросил, нагибаясь к брату, Иван.

— Она самая. Таких руд, говорят, и на Урале не так много. Ну, Ваня, повезло нам: богатейший клад сам в руки дается.

— А всамделе, коли руда строеньем своим на цветок похожа, то железом богата?

— Истинно. Я от стариков не раз слыхивал, что ежели рудный камень внутри на цвет шиповника похожим окажется, такая руда наилучшая. Не зря розой ее называют. Более половины чистого железа в себе содержит. Не руда, а золото!

— Ну, пойдем, Андрюша, а то поп, чего доброго, заподозрит, что зло какое-нибудь на него умыслить хотим.

Сорока с нетерпением поджидал братьев.

— Дальше пойдемте. Я вам богаче места укажу. Там, чай, и завод ставить способнее.

Братья еле поспевали за Сорокой. Андрей, радуясь удаче, размышлял о том, что сулит эта находка.

«Вроде бы и отличается от унженской, - думал он о руде, - похоже, лучше будет, впрочем, надо сначала в деле испытать. Если много ее здесь, - пусть и похуже будет, убытка не понесем, завод надо ставить обязательно. То-то дружки тульские позавидуют!»

— Эвон вода, гляди! - остановился Сорока. Саженьях в двадцати, подмывая корни столетних сосен, причудливо вилась речка.

— Выксунь прозывается. А поодаль еще две в нее впадают, в Оку текут. О весну широко разливаются, не переберешься. Если вон на той ложбине запруду поставить, большое озеро будет. Вода, я слышал, нужна вам?

— Водица всем нужна, - тихо ответил Иван и тут же, косясь на Сороку, подумал: «Обо всем знает, лохматый черт, от этого так просто не отвертишься, дешево не откупишься. Ну да ладно, не таких видывали». - И прибавил громко: - А не перекусить ли нам здесь?

— Ну, господи благослови! - У Андрея, наливавшего водку з черного серебра походный стаканчик, чуть дрогнула рука.

Перекусив, легли отдыхать. Сорока, растянувшись на мшистой земле, сразу же захрапел. Повозившись, уснул утомленный непривычной дорогой и Иван. Андрею не спалось. Поручив одному из сопровождавших их людей караулить спящих, он отправился бродить.

Казалось, и впрямь попали они на нужное им место. Говорили об этом заметные опытному глазу признаки. Андрей внимательно присматривался к наслоениям земли, видимым в промоинах.

Спустившись в ложбину, указанную Сорокой, Баташев остановился. Практическим умом человека, отдавшего всего себя заводскому делу, он оценил выгоду окружавшей его местности. Действительно, если повыше устроить запруду, образуется большое озеро. Оно даст такой запас воды, при котором завод сможет работать круглый год. А что такое вода для заводского дела - он хорошо знал по опыту Унженского завода. Там к весне ее не хватало, и работу приходилось останавливать.

Здесь этого можно было избежать.

Андрей долго стоял в ложбине, слушая, как шумят деревья. Мысленно он уже подсчитывал, какую площадь придется откупать, чтобы захватить не только все рудоносные земли, но и достаточно леса для пожога угля.

Вернувшись, разбудил спавших и еще раз налил всем по чарке.

много ее здесь, - пусть и похуже будет, убытка не понесем, завод надо ставить обязательно. То-то дружки тульские позавидуют!»

— Эвон вода, гляди! - остановился Сорока. Саженьях в двадцати, подмывая корни столетних сосен, причудливо вилась речка.

— Выксунь прозывается. А поодаль еще две в нее впадают, в Оку текут. О весну широко разливаются, не переберешься. Если вон на той ложбине запруду поставить, большое озеро будет. Вода, я слышал, нужна вам?

— Водица всем нужна, - тихо ответил Иван и тут же, косясь на Сороку, подумал: «Обо всем знает, лохматый черт, от этого так просто не отвертишься, дешево не откупишься. Ну да ладно. не таких видывали». - И прибавил громко: - А не перекусить ли нам здесь?

— Ну, господи благослови! - У Андрея, наливавшего водку в черненого серебра походный стаканчик, чуть дрогнула рука.

Перекусив, легли отдыхать. Сорока, растянувшись на мшистой гемде. сразу, же захрапел. Повозившись, уснул утомленный непривычной дорогой и Иван. Андрею не спалось. Поручив одному из сопровождавших их людей караулить спящих, он отправился бродить.

Казалось, и впрямь попали они на нужное им место. Говорили об этом заметные опытному глазу признаки. Андрей внимательно присматривался к наслоениям земли, видимым в промоинах.

Спустившись в ложбину, указанную Сорокой, Баташев остановился. Практическим умом человека, отдавшего всего себя заводскому делу, он оценил выгоду окружавшей его местности. Действительно, если повыше устроить запруду, образуется большое озеро. Оно даст такой запас воды, при котором завод сможет работать круглый год. А что такое вода для заводского дела - он хорошо знал по опыту Унженского завода. Там к весне ее не хватало, и работу приходилось останавливать.

Здесь этого можно было избежать.

Андрей долго стоял в ложбине, слушая, как шумят деревья. Мысленно он уже подсчитывал, какую площадь придется откупать, чтобы захватить не только все рудоносные земли, но и достаточно леса для пожога угля.

Вернувшись, разбудил спавших и еще раз налил всем по чарке.

Назад шли веселые, возбужденные.

— Она тут кругом, - гудел Сорока, - только бери. Дальше, за Выксунью, богато ее. Ежели с умом - большое дело можно наладить.

Братьям не совсем по нутру были эти рассуждения ссыльного попа, но приходилось помалкивать: спугнешь раньше времени - себе во вред.

К вечеру плоскодонка пустилась в обратный путь.

— Это кто ж такие были - купцы, что ли? - спросил отца Тимоха, глядя, как большая лодка, подняв паруса, быстро удалялась вверх по реке.

— Заводчики. Руду ищут. Надобно в Муром съездить, порасспросить у знающих людей о них хорошенько. Ты, Тимофей, завтра один дома останешься, а мы с Кирюхой на зорьке тронемся. Не прогадать бы с ними, иродами!

Пути до Мурома три часа, а если с попутным ветром - и того меньше. Быстро доплыли Сорока с сыном до белокаменного городка, разбросавшего свои строения по крутому взлобку левого берега Оки. Рано причалили, да поздно толку добились: чуть не пол-Мурома исколесил поп, пока нашел нужного человека, да и то соборный пономарь надоумил.

— Иди в подворье купцов Панфиловых, что скобяным то-варом торгуют, спроси приказчика Гордея Силыча. Он мужик обходительный, кажинное воскресенье обедню у нас слушать изволит. Коли Гордей не скажет, искать боле некого.

Приказчик встретил Сороку недоверчиво.

— Кто ты таков, мил человек, я не знаю, и о людях, к коим ты интерес имеешь, поведать ничего не могу.

Пришлось попу поклониться Гордею Силычу двумя шкурками лисиц-огневок, добытых в прошлом году. Приказчик стал сговорчивее.

— Ну, ин ладно. Приходи уже в трактир купца Седова на Касимовскую улицу. Тамотко, мил человек, и потолкуем.

Как ни жался Сорока, а выставил угощение приказчику. Зато узнать удалось многое. Гордей не раз ездил на Унжу к Баташевым за железным товаром, понаслышался о них от заводских людишек. И вот что рассказал:

— Она тут кругом, - гудел Сорока, - только бери. Дальше, за Выксуню, богато ее. Братьям не совсем по нутру были эти рассуждения ссыльного попа, но приходилось помалкивать: спугнешь раньше времени - себе во вред.

К вечеру плоскодонка пустилась в обратный путь.

— Это кто ж такие были - купцы, что ли? - спросил отца Тимоха, глядя, как большая лодка, подняв паруса, быстро удалялась вверх по реке.

— Заводчики. Руду ищут. Надобно в Муром съездить, по-расспросить у знающих людей о них хорошенько. Ты, Тимофей, завтра один дома останешься, а мы с Кирюхой на зорьке тронемся. Не прогадать бы с ними, иродами!

Пути до Мурома три часа, а если с попутным ветром - и того меньше. Быстро доплыли Сорока с сыном до белокаменного городка, разбросавшего свои строения по крутому взлобку левого берега Оки. Рано причалили, да поздно толку добились: чуть не пол-Мурома исколесил поп, пока нашел нужного человека, да и то соборный пономарь надоумил.

— Иди в подворье купцов Панфиловых, что скобяным то-варом торгуют, спроси приказчика Гордея Силыча. Он мужик обходительный, кажинное воскресенье обедню у нас слушать изволит. Коли Гордей не скажет, искать боле некого.

Приказчик встретил Сороку недоверчиво.

— Кто ты таков, мил человек, я не знаю, и о людях, к коим ты интерес имеешь, поведать ничего не могу.

Пришлось попу поклониться Гордею Силычу двумя шкурками лисиц-огневок, добытых в прошлом году. Приказчик стал сговорчивее.

— Ну, ин ладно. Приходи ужо в трактир купца Седова на Касимовскую улицу. Тамотко, мил человек, и потолкуем.

Как ни жался Сорока, а выставил угощение приказчику. Зато узнать удалось многое. Гордей не раз ездил на Унжу к Баташевым за железным товаром, понаслышался о них от заводских людишек.

— Простого звания те люди, о коих пытаешь. Дед их в молодости кузнецом в Туле был. Потом в доверие к Демидовым вошел, вроде меня приказчиком стал. Когда те на Урал перебираться надумали, его тульскими заводами управлять поставили. Ну, видать, дело то прибыльным оказалось. К концу жизни он два своих завода поставил: Липецкий да Верхне-Тулицкий. Так что отец твоих знакомцев Родион уже заводчиком в бумагах писался. И дети заводчики.

— Чего же им под Тулой-то не жилось, сюда приехали?

— Нужда заставила. Был, говорят, такой царский указ, чтоб на двести верст от Москвы все огненные заводы закрыть. Вот и пришлось Баташевым в другие места подаваться. На Урал ехать - далеко, да и бесполезно: там

Демидовы под свою руку все забрали. А тут кто-то из рудознатцев подвернулся, нужные места указал неподалеку от Касимова. Там у них, у Баташевых- то. теперь два железных завода стоят.

Сорока слушал приказчика и внутренне ликовал: вот она, Сирина - птица райская! Пришел конец худому сидению! Настала пора в люди выходить.

— Руду-то в наших местах, почитай, ищо при царе Петре нашли. - говорил меж тем, пропустив очередную чарку и поддев здоровенный кус баранины, Гордей. - О Колпинке-то, чай, слышал? Ну, то-то. Старики сказывали, князь Долгорукий заводешко тут воздвиг, чугуна плавил, да только недолго. По делу наследничка царского Лексея, божьего человека, взяли князька и все имения его порушили. Не привелось, значит, попользоваться.

После него купцы наши, муромские, Железняков да братья Мяздриковы, на Сноведи заводешко возвели, тоже чугуна плавить начали. Ин и им не повезло: разбойные людишки тот завод разграбили и пожгли.

Ну, а Баташевы похитрей оказались. Завод построили и сразу охрану оружную выставили. Рунты та охрана называется. У немцев название переняли. Их, Баташевых, так запросто не возьмешь, за мягкое место не укусишь. Теперь, говоришь, сюда, к Мурому, налаживаются? Они достигнут!

Узнав от Гордея многое из того, что его интересовало, Сорока заторопился домой. Выходило вроде бы так, что Баташевым можно довериться.

Рассказанное приказчиком было правильным. Не знал Гордей только того, что остатки завода на Сноведи купил тульский купец Мосолов и, будь он поувертливее, быть бы ему хозяином в здешних местах. Подвела купца собственная жадность: не захотел дать царским чиновникам сколько следовало. А когда спохватился, стало уже поздно. Берг-коллегия, ведавшая горными делами со времен Петра, выдала разрешение искать, добывать и плавить руду в окрестностях Оки братьям Баташевым.

Близость к центральным городам России давала себя знать. От Касимова до Москвы иль Петербурга не то что от Урала. И хотя чугуна и железа, поставлявшиеся Баташевыми, были похуже уральских, казна охотно брала их.

Через четыре года Баташевы соорудили на речушке Гусь около Касимова новый завод, больше первого. Вскоре посыпались заказы для войска. На Гусевском заводе день и ночь катали железо, ковали шпильки и рымбоуты, лили пушки и ядра - готовили снаряжение для флота. За два года казне было

поставлено около двухсот орудий разного калибра. Испытание их дало хорошие результаты, и Баташевы стали входить в известность как знающие заводское дело люди. В Питере все более склонялись к тому, чтобы дать им новый, еще более крупный заказ.

Баташевы понимали, что новый заказ от казны сулил не только выгоду, но и почет. Но чтобы выполнить его, нужно было расширить заводы. Между тем ни на Унже, ни на Гусе запасов руды для этого не хватало. Тут-то и пришла им мысль поискать руду в окрестностях Муром, в тех местах, где, по слухам, раньше были железные заводы. В Муром послали надежного человека. Вернувшись, он доложил, что те из рудознатцев, которые живы, настолько стары, что повести на рудные места не могут. Указали они на попа Сороку, который приходил к ним однажды с комом руды, спрашивал, что это за камень. Места те он хорошо знает, но ехать к нему небезопасно: занимается-де поп разбойным делом.

Собрав о Сороке нужные сведения, Баташевы решили сами побывать у него.

Когда они вернулись домой, жена Ивана Дарья по их довольным лицам поняла, что съездили они удачно. Догадка подтвердилась тем, что обычно скупой Андрей велел выкатить в людскую бочонок браги.

— Вот так-то, братец, - крупно шагал он по горнице, разделявшей их половины большого деревянного дома, стоявшего неподалеку от завода на Унже. - Руда, похоже, ничего, подходящая. Завод мы должны с тобой возвести всем на удивление. Чую я, большая может быть выгода. Вот только мастеровых где достанем да на постройку денег хватит ли?

— Денег хватит. А нет - у казны можно занять, под такое дело не откажут. За мастеровыми же надо ехать в Тулу, к Демидихе.

Андрей остановился и вопросительно глянул на брата:

— Что смотришь? Думаешь, в своем ли уме братец Иван Родионович? Верно, не бывало еще такого, чтобы Демидовы своих людей продавали. Да ведь не было и того, чтобы они в дворянах ходили. Закрывать думают один из тульских заводов. Урал им поболее дает. Я думаю, удастся взять людишек на вывод.

— Откуда знаешь?

— Об этом потом, - уклончиво ответил Иван. — Нам об своем деле думать надобно.

— Ну что ж, давай бог! А молодец ты, право, все успеешь разузнать.

Андрей сел к столу, забарабанил пальцами.

— Вот только попу зря долю пообещал. Умен, а тут обмишулился. Его припугнуть - и так все показал бы.

— Такого не припугнешь. Добром он лучше все покажет. А долю... Долю свою он получит. Не сразу только.

Андрей снова недоуменно посмотрел на брата. Иван усмехнулся.

— Экой ты, право, недогадливый. Допреж этого за тобой не замечалось.

— Ты об чем?

— Все о том же, о рудниках. О Невьянских.

— О Невьянских? При чем они здесь?

— Вот я и говорю, что недогадлив ты стал. Попа-то сюда за провинность сослали, так?

— Ну?

— А здесь он только и делал, что богу молился? Слух есть, не один купец плакал от него: плыла по Оке баржа с товаром, да не доплыла, к попу в лапы попала. Не зря говорят: у попа глаза завидущие, руки загребущие.

— Значит...

— Значит, кандалы на руки, да и в рудники. А чтоб не скучно было - и сыновей туда же. Тремя каторжниками больше, только и всего.

— Доказать ведь надо.

— За этим дело не станет. Ну ладно, хватит о попе, пора делом заняться.

Иван Родионович прошел на свою половину и тотчас же вернулся, неся большой, свернутый в трубку лист бумаги. Это был предусмотрительно захваченный им из Санкт-Петербурга во время прошлой поездки план окрестностей Муром. Писец Межевой канцелярии постарался. На искусно нарисованной орте было изображено все в подробности. Посреди нанесенных зеленой краской лесов голубой лентой вилась Ока. Из впадин и перелесков тянулись к ней змейки ручейков.

— Вот они, леса Муромские! Глушь. Кто знает, что таят они в себе! Виденное нами, думаю, капля в море.

Допоздна горел свет в окнах баташевского дома. Наутро Андрей Родионович послал за рудознатцами Данилой Заниным да Фомой Шмельковым. Когда те явились, коротко объяснил, что от них требуется, и добавил:

— А пуще всего берегитесь тому попу Сороке на глаза показываться. В тайности от него все осмотреть надо. Поведет нас Никифоров. Он с нами туда ездил, покажет, где смотреть.

Карпуха Никифоров, бывший крепостной крестьянин, отпущенный Баташевым на волю, во многих делах был правой рукой Андрея Родионовича. Не раз помогал он обделывать такие дела, в которых тому не хотелось быть замешанным.

Через неделю рудознатцы вместе с Никифоровым вернулись назад. Запасов руды на местности, указанной Сорокой, по их словам, могло хватить на много лет.

Это сообщение обрадовало Баташева. Можно было без промедления строить новый завод. Но для этого следовало прежде всего купить или арендовать рудоносные земли и получить разрешение от казны на строительство.

Андрей Родионович уже успел разузнать, что все лесные урочища в облюбованной им округе принадлежат купцу Никите Гальцову, проживающему в большом торговом селе Кужендей близ Ардатова. Верные люди донесли, что, хоть и неважно идут в последнее время дела у купца, продавать лес он не собирается.

Вызвав к себе Карпуху, Баташев поручил ему съездить в Ардатов, разведать, кому и какие суммы должен купец, попытаться скупить его векселя. Тот понимающе кивнул и вышел. Неделю спустя он уже докладывал своему хозяину о результатах поездки. Она была удачной.

— Ну, братец, - сказал Андрей, заходя к Ивану, - теперь можно и в Питер трогаться, разрешение на постройку исхлопатывать.

— Земля-то еще не куплена!

— Считай, что она у нас с тобой в кармане. Я этого купчишку так прижму, что не вывернется.

На другой день Иван Родионович выехал в Петербург. Андрей направился в Ардатов, к Гальцову.

Не скоро согласился купец отдать принадлежащие ему лесные угодья.

— Ты только то в толк возьми, - хвастался он сидевшему с ним Баташеву, - земли эти в наш род от самого царя Ивана Васильевича перешли.

И рассказал историю о четырех татарах.

— Было то при царе Иване Васильевиче Грозном, - говорил, подвыпив, Никита. - Пошел Грозный царь Казань воевать, повел войско лесами Муромскими, а оно возьми да и заблудись. Прослышали об этом четыре брата татарина - перебежчики. Пришли войску на выручку, провели по тропкам лесным, в самую степь вывели, а там и Казань - рукой подать. И пожаловал их за то царь Иван Васильевич. Ризадею - старшему - дал дачу лесную, где войско заблудилось, а остальным - Ардатке, Кужендею да Таторше - иные земли. Ризадей-то никого на своей земле селить не стал и в родство с русскими войти не пожелал, а Ардатка с Кужендеем торговым делом промышлять начали. Теперь ты и рассуди: мы в селе Кужендее живем, ризадеевой дачей владеем, в Ардатов в гости ездим. Смекай, что к чему.

Монгольские глаза Никиты хитровато сощурились.

«С татаринoм схож, - подумал Андрей. - Цену себе набивает».

Глотнув из чарки, спросил:

— Ну, так как же решим?

— Не-ет, продавать не буду.

— Жаль, жаль. А я было по доброте своей помочь тебе хотел. - И, вынув из кошелька пачку бумаг, положил их на стол.

— Так они же подождать обещали! - вырвалось у купца. Неосторожное признание Гальцова сделало Баташева более настойчивым.

— К какому концу придем?

— Продавать не стану. Последнего лишусь, а лес оставлю.

— Не хочешь - не продавай. Так возьмем. Известен тебе указ царя Петра Алексеевича? - И, вынув из того же кошелька бумагу, торжественно прочел:

«Соизволяется всем и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, - возвысил голос Баташев, - искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, тако ж минералы...»

— Слыхал? Руду мы на твоей земле нашли и заявку об этом в столицу дали...

Гальцов подавленно молчал.

— Добром с тобой хотим, по-хорошему. Не желаешь продать - внаем сдай.

На это предложение купец согласился. На другой день в Ардатове был подписан договор: отдавал Гальцов тулянам братьям Баташевым сотни десятин угодной и неугодной земли - лесных урочищ и пустошей. Вольны были Баташевы на тех землях лес рубить, плотины прудить, железные руды приискывать и что угодно им строить. А плата была положена за это с них шестьдесят рублей в год.